

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Юлия
ДРУНИНА

Запас прочности
Стихотворения

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д76

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Друнина, Юлия Владимировна.
Д76 Запас прочности : стихотворения / Юлия Друнина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 272 с. — (Всемирная литература
(с картинкой)).

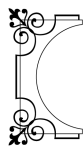
ISBN 978-5-04-191243-7

Юлия Друнина — фронтовичка, знаменитая советская поэтесса, мастер высокого лирического дара, известная не только своими страшными и правдивыми поэтическими свидетельствами о Великой Отечественной войне («Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне»), но и замечательными стихотворениями о любви, поэмами, прозой, гражданской лирикой. В настоящее издание включены избранные стихотворения и поэмы Юлии Друниной, а также автобиографическая проза «С тех вершин».

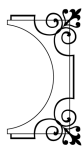
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-191243-7

© Друнина Ю.В., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

СТИХОТВОРЕНИЯ О ВОЙНЕ

ЗИНКА

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы. —
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.

Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

* * *

Да, многое в сердцах у нас умрет,
Но многое останется нетленным:
Я не забуду сорок пятый год —
Голодный, радостный, послевоенный.

В тот год, от всей души удивлены
Тому, что уцелели почему-то,
Мы возвращались к жизни от войны,
Благословляя каждую минуту.

Как дорог был нам каждый трудный день,
Как «на гражданке» все нам было мило!
Пусть жили мы в плену очередей,
Пусть замерзали в комнатах чернила.

И нынче, если давит плечи быт,
Я и на быт взираю, как на чудо:
Год сорок пятый мной не позабыт,
Я возвращенья к жизни не забуду!

* * *

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти! Мы были другими —
Военной голодной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.

Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазы, тощие, мы хорошели
И верили: это на целую жизнь.

Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
И можно ли ставить любимым в вину,
Что нравятся девочки им длинноногие,
Которые только рождались в войну?

И правда, как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблучков,
И даже сожженные краскою космы,
Когда их хозяйкам семнадцать годков.

А годы, как листья осенние, кружатся.
И кажется часто, ровесницы, мне —
В борьбе за любовь пригодится нам мужество
Не меньше, чем на войне...

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!
И лицо — родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головою,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней —
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.

И запахнет фронтом — снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Только мы — однополчане павших,
Их, безмолвных, воскресить вольны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, —
Песней возвратишься ты с войны!

Бинты

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем — так учили нас.
Одним движеньем — только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! — Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

* * *

Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.

Я — связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я — связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит».

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

* * *

Я родом не из детства — из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.

Я родом не из детства — из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.

Я родом не из детства — из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя — шершавые ладони.

Я родом не из детства — из войны.
Прости меня — в том нет моей вины...

* * *

Я курила недолго, давно — на войне.
(Мал кусочек той жизни, но дорог!)
До сих пор почему-то вдруг слышится мне:
«Друг, оставь “шестьдесят” или “сорок”!»

И нельзя отказаться — даешь докурить.
Улыбаясь, болтаешь с бойцами.
И какая-то новая крепкая нить
Возникала тогда меж сердцами.

А за тем, кто дымит, уже жадно следят,
Не сумеет и он отказаться,
Если кто-нибудь скажет:
«Будь другом, солдат!» —
И оставит не «сорок», так «двадцать».

Было что-то берущее за душу в том,
Как делились махрой на привале.
Так делились потом и последним бинтом,
За товарища жизнь отдавали...

И в житейских боях я смогла устоять,
Хоть бывало и больно, и тяжело,
Потому что со мною делились опять,
Как на фронте, последней затяжкой.

* * *

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

* * *

Убивали молодость мою
Из винтовки снайперской,
В бою,
При бомбежке
И при артобстреле...
Возвратилась с фронта я домой
Раненой, но сильной и прямой —
Пусть душа
Едва держалась в теле.

И опять летели пули вслед:
Страшен был
Послевоенных лет —
Мне передохнуть
Хотя бы малость!..
Не убили
Молодость мою,
Удержалась где-то на краю,
Снова не согнулась,
Не сломалась.

А потом —
Беды безмерной гнет:
Смерть твоя...